

Литература

1. Бухштаб Б.Я. «Лирика Пастернака» // Лит. Обоз. – М., 1987, № 9
2. Казарин Ю.В. «Поэтический текст как система» . – Екатеринбург, 1999
3. Рабинович В. «Маски смерти, играющие жизнь. Тема и вариации: Пастернак, Мандельштам, Цветаева» // Вопросы Литературы. – М., 1998, № 1
4. Сильман Т. «Заметки о лирике» .- Л., 1977
5. Эпштейн М. «Хасид и талмудист. Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме» // Звезда. – М., 2000, № 4
6. Эйхенбаум Б.М. «Мелодика русского лирического стиха» .- М., О поэзии
7. Вильмонт Н. «О Б. Пастернаке». – М., 1989

М.Л. Шахова
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
Л.В. Енина

МЕТАФОРА НЕРЕАЛЬНОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В настоящей работе под политическим текстом понимается текст, принадлежащий политическому дискурсу. Согласно концепции Е.И. Шейгал, политическая коммуникация включает в себя любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики, т.е. институциональные и неинституциональные формы общения [6:368]. Политическая метафора представляет собой интересный материал для исследования с точки зрения лингвокультурологической интерпретации текстов СМИ. Анализ метафорических моделей позволяет выявить существующие в современной лингвокультурной ситуации российские представления о политических реалиях. Источником материала послужили газетные тексты федеральной и региональной прессы за 2003-2005 гг.

Метафорические модели, актуальные для политического дискурса России, подробно описаны в работах А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, А.П. Чудинова и др. При этом метафора нереального была обойдена вниманием исследователей. Действительно, метафора нереального не является особо частотной, однако вызывает интерес тем, что с ее помощью субъекты политического дискурса вытесняются из области объяснимого, понятного и

оказываются вне сферы реальности. Употребляя выражение *метафора нереального*, мы опираемся на словарное определение слова *нереальный* – «не существующий в действительности // непохожий на действительность; фантастический, сказочный» [3:2-476]. Вслед за А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым, метафору «интерпретируем расширительно: метафора в узком смысле, метонимические конструкции, синекдоху и сравнения» [1:5].

Анализ материала показал, что политики как обобщенные субъекты политического дискурса нередко наделяются волшебными свойствами. Наиболее частотным словом в контекстах с метафорой нереального являются слова «чудо», «волшебство».

Например: *«Всякий политик может творить чудеса! Куда ни кинь взгляд – все колдуют над своей маленькой страной. А главный волшебник других учит и не перестаёт нас удивлять»* («Современный горожанин» № 34 24-30 июня 2003г.). Обобщенный образ политического деятеля наделяется волшебным свойством: может «творить чудеса». Чудо – «1. В религиозных представлениях: явление, вызванное вмешательством божественной силы, а также вообще нечто небывалое» [4:889]. Подчеркнем, что в контексте реализуется категоричное утверждение об обладании волшебными свойствами любого (*всякий политик*) субъекта политического дискурса. Смысл словосочетания «творить чудеса» поддерживается словом «колдовать» – «1. Заниматься колдовством; Колдовство – магические приемы, с помощью которых, по суеверным представлениям, можно воздействовать на людей и природу» [3:2-71]. Оценочный потенциал метафоры нереального в данном контексте неоднозначный. Если *волшебство, чудеса* имеют положительную коннотацию в современной речи, то слово *колдовать* обладает отрицательной коннотацией. Совмещение в контексте противоположных коннотаций можно интерпретировать как неподдающиеся однозначной оценке действия политиков. Также отметим, что метафора *главный волшебник* отражает иерархию политических лидеров.

Текст под названием «Кто помогает правительству тратить деньги?» («Вечерний Екатеринбург» 2004г. № 242) сопровождается следующим предисловием: *«Как это ни странно, но Облдуму вчера опять штормило. То депкорпус практически в едином порыве голосовал «за» бюджет в третьем чтении, то вдруг резко пропал кворум (всё-таки загадочная вещь этот кворум: если он есть, то его сразу нет)»*. В данном фрагменте персонажами в тексте выступают депутаты Облдумы. Скорая изменчивость решений «думцев» и непредсказуемость их голосования передается метафорой «облдуму опять штормило», повторением частицы «то» со значением резкой смены действия и наречием «вдруг» со значением «неожиданности», «внезапности». Создаётся впечатление не только быстроты и внезапности действий, но и их необъяснимости. *Кворум* назван «загадочной вещью»,

загадочный – «непонятный, труднообъяснимый, многозначительный и таинственный» [4:201]. Журналист обращается к прецедентному тексту, отсылающему нас к словам медвежонка Винни-Пуха о том, что «если мёд есть, то его сразу нет». В результате метафора нереального представляет деятельность депутатов облдумы как необъяснимую, загадочную. Прецедентный текст сказочного персонажа добавляет обобщенному образу депутатов смысл несерьёзности, легкомысленности, даже детскости.

Напротив, в редких случаях материал показывает подчеркнутое отрицание волшебной силы в действиях политиков: «*Такая высокая готовность к пуску тепла достигнута в Екатеринбурге не по мановению волшебной палочки, а является результатом согласованной работы всех уровней власти*» («Уральский рабочий» №174, 14 сентября 2004г.). В следующем примере «*Но сложность в том, что...даже самый ретивый и прямодушный губернатор все же не Господь Бог и не всегда в его власти чудеса творить*» («Известия» № 6, 18 января 2005г.) оборот «не всегда в его власти чудеса творить» имплицитно указывает на то, что губернатор в российском политическом дискурсе часто обладает волшебными, магическими способностями, хотя и не в высшей степени «не Господь Бог».

Метафора нереального, помимо характеристики обобщенного образа политика, используется для характеристики конкретного субъекта политического сообщества.

«*ВВП опять сыграл роль волшебника. Его вклад в фонд классика потянул на 105 млн. рублей*» (МК-Урал № 3 19-26 января 2005г.). Волшебник – «1. Колдун, чародей. 2. Человек, чем-н. очаровывающий, пленяющий других» [4:95]. Президент сыграл роль, то есть, не являясь таковым, стал им на некоторое время. Журналист указывает причину, по которой президент стал волшебником: это вклад на сумму 105 млн. рублей. Объяснение крупной денежной суммы в руках президента становится магическим, волшебным, и выводится журналистом за пределы фактической аргументации поступка.

«*Что же станет с Шандыбиным? Есть подозрение, что он уже превратился в некое подобие «Летучего Голландца» и начнёт своё скитание по всем городам и весям*» (МК-Урал № 13 31.03 – 7.04 2004г.). «Летучий Голландец» – по голландской средневековой легенде – призрачный корабль, некогда попавший в шторм недалеко от мыса Доброй Надежды, обречённый никогда не приставать к берегу, и встреча с ним предвещает гибель в море. Сравнивая Шандыбина со злополучным кораблём, автор тем самым характеризует политика как человека, не могущего «прибиться» к Государственной Думе и обречённого постоянно быть вне большой политики. Метафора нереального работает на снижение образа политика.

«*Охота на ведьм продолжается. Если главный борец с нечистой силой, министр внутренних дел и лидер «Единой России» Борис Грызлов*

вышел в двухмесячный предвыборный отпуск, значит, пришла пора ловить «оборотней» среди политических конкурентов партии власти» («Современный горожанин» № 34 24-30 ноября 2003г.). Ведьма – «В сказках, народных поверьях: злая волшебница» [4:7], охота на ведьм – «преследование, травля инакомыслящих» [4:72]. Нечистая сила – «в старых народных представлениях, поверьях: злые духи, черти» [4:416]. Оборотень – «В сказках, народных поверьях: существо, способное менять человеческий облик и превращаться в животных, предмет» [4:435]. Б. Грызлов предстаёт бесстрашным сказочным героем, который вступил в борьбу с мифическими существами. Добавим, что впервые метафора нереального в воззвании выявлять «оборотней в погонах» принадлежит Б. Грызлову. Наверное, можно говорить о том, что метафора нереального востребована для категоризации действительности самими субъектами политического дискурса.

В следующем фрагменте конкретные политики отождествляются с потусторонними существами. «Беззарплатных бюджетников обзывали экстремистами и утверждали, что их на нехорошие поступки подбили бьяки и буки – то бишь Баков с Бурковым, возглавляющие политическое движение «Май» (МК-Урал № 43 27.10-3.11 2004г.). Субъекты интолерантности – депутаты Госдумы РФ Баков и Бурков. Одного журналист называет «бьякой», другого – «букой». Бьяка – «В детской речи: что-н. плохое, дурное» [4:64]. Это качество (плохое, дурное) переносится на всю личность, становясь её обобщающей характеристикой. Бука – (разг.) Фантастическое страшное существо, которым пугают детей» [4:62]. В данном примере нецелесообразно разводить исходные значения слов «бьяка» как «качества», и «бука» как «существа» – оба политика называются злыми существами, владеющими волшебной силой. Заметим, что метафорическое обозначение политиков через пародирование их фамилий является прямой речевой агрессией по отношению к ним [2:26-38]. Искажение имен политических деятелей есть грубое этическое нарушение. Отметим также, что слова «бьяка» и «бука» употребляются либо в детской речи, либо в ситуации, имеющей отношение к детям, поэтому в политическом тексте эта метафора нереального, с одной стороны, снижает образ политиков, а с другой – выполняет функцию инвективы.

Необходимо сказать несколько слов и о стертой метафоре нереального, о метафоре, привычной для носителей языка. «Но стоит взять в руки калькулятор и хотя бы на глазок прикинуть, сколько нам всё–таки удастся к старости накопить, как ещё один государственный миф в мгновение развеется» (МК Урал № 35 27.08 – 3.09 2003). В тексте речь идет о пенсионной реформе, которая и названа государственным мифом. Миф – «3. То же, что вымысел» [4:359]. Журналист противопоставляет научное знание читателей (нехитрые вычисления на калькуляторе) и внеаучные,

мифологические, обещания государства о выгоде пенсионной реформы, при этом он замечает, что этот миф ещё один, то есть бывший среди череды других. Таким образом, журналист с помощью метафоры нереального поддерживает стереотип недоверия к государственным начинаниям, абсолютизирует смысл «обман граждан государством».

Другой пример: «В итоге город оказался втянутым в настоящую рекламно–пиарскую вакханалию» (МК-Урал № 47 19-26 ноября 2003г.). Вакханалия – «1. В античном мире: празднество в честь Вакха – бога вина и веселья. 2. перен. Крайняя степень беспорядка, неистового разгула (книжн.)» [4:67]. Журналист, употребляя книжное слово «вакханалия» по отношению к предвыборной деятельности политиков, характеризует её как неразбериху. Важный институт политической жизни: политические выборы предстают как не имеющие организации, структуры и порождающие низменные страсти. Метафора нереального использована для отрицательной оценки избирательной кампании.

Итак, в российском политическом дискурсе политический деятель нередко наделяется волшебным свойством *творить чудеса*. Метафора нереального в политическом газетном тексте используется как для положительной, так и для отрицательной характеристики политиков. Кроме того, метафора нереального указывает на «необъяснимые», неподдающиеся однозначной оценке действия политиков, государства. Дальнейшее исследование метафоры нереального в политическом дискурсе России может быть продолжено за счет расширения источников материала.

Литература

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). - М., 1991.
2. Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997.
3. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд./ гл.ред. А.П.Евгеньева. - М., 1981-1984.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 2002.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). - Екатеринбург, 2001.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - Волгоград, 2000.